

Вахтанг КИКАБИДЗЕ: «Я так и не научился правильно жить»

Андрей Морозов

Кумир нескольких поколений, легендарный герой «Мимино» Вахтанг Кикабидзе после многих лет затишья снова заявил о себе – он снимает кино, записывает песни Булата Окуджавы и выступает в концертах.

Как и два десятилетия назад, несмотря на все политические перипетии между Грузией и Россией, сегодня он делит свой мир между Тбилиси и Москвой.

Своими взглядами на то, как меняются со временем отношения между нашими народами, Вахтанг КИКАБИДЗЕ поделился с «Новыми Известиями».

– Вахтанг Константинович, скоро исполнится два года «розовой революции» в Грузии. На ваш взгляд, люди не успели разочароваться в переменах?

– Нет. Лучше стало. Самое главное, что есть свет и горячая вода. Было время, когда не было света и еду приходилось готовить на керосинке. У вас в Москве тоже недавно не было света, и, как мне рассказывали, москвичи поняли, какая это трагедия. У нас в Грузии к этому привыкли. Человек ко многому может привыкнуть.

Что до политики... Какие-то нюансы, наверное, есть, но в принципе эта власть очень отличается от прежней. Грузия перестала быть провинциальной страной, какой она была еще недавно. Сейчас люди подняли голову. Я помню времена, когда ребята шли по улице и не смотрели на девушек – так много было проблем! Сейчас в этом плане все изменилось. Но для того чтобы понять, какой политик на самом деле – плохой или хороший, – порой нужны годы. Правда, хороших политиков всегда мало. Это вообще очень необычная профессия.

Новые Известия - 2005 - 10-16 июня - с. 128.

Окончание. Начало на стр. 1

– Как вы отнеслись к тому, что ваш президент не приехал 9 мая в Москву на парад Победы?

– Думаю, он прав. Если я теперь еду в Москву, то должен получить визу. Если я получаю визу, значит, я иностранец. Но если в Грузии есть российские войска, тогда кто они? Я не знаю, как это все называется, но их там не должно быть. Саакашвили ведь и не приехал из-за того, что не был подписан договор о выводе российских войск.

– По-вашему, там должны быть американские базы?

– Если будет обоюдное согласие, то почему бы и нет? Но мне лично не нравятся ни американские базы, ни российские. Мне нравится общаться с друзьями. Я встречал таких сценаристов, которые мне говорили: «Если бы у меня была еще возможность написать сценарий по-новому, я бы написал его лучше». Так и тут – есть плохой сценарий для наших отношений. Он еще тот, эсэсэровский, серпомолоотовский, и переделывать его теперь трудно. В любом случае это сценарий неправильный. Да, мы вместе воевали против немцев. Мой отец погиб в 1942 году в Керчи. И Саакашвили правильно говорит, что мы – православные нации, и вокруг нас огромный мусульманский мир. Воспитывая своих внуков, говорю им, чтобы они читали не только Шота Руставели, но и Толстого, Тургенева, Пушкина.

– А вам не обидно, что у грузинского руководства поменялись приоритеты и теперь американского президента принимают в Тбилиси так же, как в свое время генерального секретаря ЦК КПСС?

– Я и тех не знал, и Буша не знаю. Я не политик, я – народ. Мне важно, чтобы люди жили хорошо, чтобы дети могли ходить в школу и росли нормальными людьми, чтобы мужчины дарили женщинам цветы. Вот что мне нужно. Зачем мне думать про политиков, ведь они без нас играют в свои игры.

– Но ведь политика так или иначе сказывается на народе?

– Сказывается, сказывается... Но, думаю, в моем возрасте к таким вещам надо относиться философски.

– Даже к тому, что говорит грузинский президент о России?

– У вас его неправильно переводят, и, мне кажется, делают это умышленно. Вся Грузия считает Россию своим ближайшим другом. Это я точно могу сказать.

– По-моему, вы немного лукавите, говоря, что не знакомы с политикой. Вы ведь знали почти всех грузинских президентов, а Гамсахурдиа даже был вашим родственником.

– Мой дед крестил его маму.

– Скажите, есть ли разница между предыдущими руководителями Грузии и нынешними в любви к своему карману?

– У нас такая система была изначально. Но это все временно – когда подрастут наши внуки и пойдут в политику, то, думаю, они не будут красть деньги. Я считаю, что любой преступник должен быть наказан. Особенно тот, кто совершил преступление против государства. Но он должен быть наказан по справедливому обвинению. Я вот, например, до сих пор так и не понял – виновен у вас Ходорковский или нет? И никто мне этого объяснить не может.

– Суд решил, что виновен.

– Наши суды много чего могут нарешать.

– Вы не верите правосудию?

– Я верю своим близким, вам смогу поверить, суду... тоже хочется верить.

– А в Грузии, на ваш взгляд, возможны такие процессы?

– Наверное, да.

– Когда в Абхазии свергали Абашидзе, грузинская пресса писала, что он жулик...

– Я был с ним знаком. Не знаю, какой он был жулик, но как мужик был очень сильный. Очень. Только

Вахтанг КИКАБИДЗЕ:

«Я так и не научился правильно жить»

ДИМИТРИЙ ХРУЛОВ

вот зря он всем рассказывал, что его род с XVI века правил Аджарией. Это никакой роли не играет. Моя мама из рода Багратиони, он с IX века идет, но не в этом дело. Талантливый, умный человек всегда может увлечь за собой народ. Я не знаю, плохой или хороший президент Саакашвили, так же как и не знаю, какой Путин. Но у меня есть право иметь симпатию. Поэтому имею право сказать: хочу, чтобы они оба были хорошими.

– В сознании многих людей укрепилось мнение, что если артист – звезда, то у него непременно есть вилла за границей, белый роллс-ройс, роскошная квартира...

– У меня никогда не было дачи. Да и не могло ее быть, потому что на нее у меня не хватает денег. У меня есть много друзей, которых я должен кормить, которым я должен помогать, потому что в свое время они помогли мне. В России это, кажется, не очень понимают. Если у тебя есть друг, который помогает тебе в жизни, в том числе материально, то потом, когда у тебя все будет хорошо, ты должен помочь ему. Конечно, я мог купить хорошую дачу, но у меня были дела поважнее.

– В России вас помнят и любят – на Площади Звезд около концертного зала «Россия» есть и ваша звезда...

– С тех пор как ее заложили, так и не был около нее. Но хорошо запомнил, как после ее открытия приехал в Тбилиси. Приехал весь такой довольный – я ведь был первый иностранец, которому сделали звезду около «России». Вхожу в дом и гово-

СПРАВКА

Вахтанг КИКАБИДЗЕ родился 19 июля 1938 года в Тбилиси. В 1956–59 годах учился в Тбилисском университете, в 1961–63 годах – в институте иностранных языков. В 1959 году стал артистом Тбилисской филармонии, где выступал в составе джазового квартета «Диэло» и вокально-инструментального ансамбля «Орэра». В 1967 году дебютировал в кино в фильме «Встреча в горах». В 1973 году стал актером на киностудии «Грузия-фильм». Среди лучших работ актера в кино – роли в фильмах «Не горюй!», «Мимино», «ТАСС уполномочен заявить...». Фильм «Будь здоров, дорогой», где Кикабидзе был одновременно и автором сценария, и режиссером, получил высшую награду на фестивале комедийного кино в Габрово. Народный артист Грузии (1980). Лауреат трех Государственных премий СССР.

рю жене: «Вот теперь я знаю, что я – звезда», и в это время погас свет, стало темно, а в темноте слышу ее голос: «Если ты звезда, то свети...»

Недавно мы похоронили нашего замечательного артиста Гомиашвили. Я стоял в храме, смотрел на него, лежавшего в гробу, и почему-то вспомнил русское слово «фигня». Знаешь, вся жизнь – фигня. Сколько бы человек ни зарабатывал, ничего он с собой туда не возьмет. Надо, чтобы он что-то сделал – построил дом, посадил дерево, воспитал внуков, любил людей. Все это очень важно. Но в один прекрасный день ты уходишь, и не имеет значения, сколько ты прожил – три года или сто лет, – все, что тебя окружало, пропадает. Поэтому я думаю, что правильно жить очень сложно и очень дорого.

– Вы поете «мои года – мое богатство». Вам ведь уже под семьдесят. По-вашему, возраст – помеха на эстраде?

– Думаю, что нельзя поддаваться возрасту. Когда-нибудь он сам напомнит о себе, когда ты не сможешь подняться и будешь сидеть дома. Возраст начинаешь чувствовать, когда, например, лифт не работает и приходится подниматься

пешком. Вот тогда уже замечаешь разницу в годах.

– К слову – об эстраде... Как вы думаете, в чем принципиальная разница между советской эстрадой и нынешней?

– В чем принципиальная? Правда не знаю. Вот вчера я позвонил Кобзону, у него недавно была очень серьезная операция. Он так обрадовался моему звонку. Я тогда подумал: ничего ведь не стоит сделать человеку приятное! Неважно, один цветок или букет вы подарите женщине, но ей все равно будет приятно. Наверное, в этом и есть принцип: ты должен любить, и тебя тогда тоже будут любить.

– Нынешнее поколение исполнителей больше внимания придает тому, чтобы на сцене было шоу. Певцы вашего поколения привыкли удерживать внимание зала в одиночку – без подтанцовки девочек и спецэффектов...

– Думаю, это большая плюс нам. То, что теперь делают на сцене – все придумано и срежиссировано по сценарию. У нас же – импровизация. Сейчас на моих концертах стали появляться молодые люди, иногда они приходят за кулисы и го-

ворят: «Вахтанг Константинович, мы такого еще не видели!» Поверьте, это я говорю не как комплимент себе. Просто, как мы живем, так и поем. Я думаю, что артист не имеет права выходить на сцену, не неся что-то важное людям. Ты можешь петь про цветочки, ромашки, но если Бог дал тебе право петь, то ты должен петь о том, что люди обязательно не забудут после концерта. Моя мама была певицей, и она говорила мне: «Как тебе не стыдно, Буба, выходить на сцену? У тебя же хриплый голос». Я объяснял ей, что это такая мода, а она отвечала: «Голос у певца должен быть чистый». Поэтому я всегда нервничал, когда знал, что она меня слушает.

– Не испытываете дискомфорта, выступая на одной сцене с молодежью?

– Нет. Они меня уважают. К тому же меня так воспитали, что я могу найти общий язык с любым человеком, и возраст для меня не имеет значения.

– Раньше говорили, что мастера культуры должны передавать свое мастерство молодым. Вы где-нибудь преподаете?

– Кому и что, по-вашему, я должен преподавать? Я ведь сам ничего не знаю. Я так и не научился правильно жить.

– Но ведь вы не сидите на месте и, насколько я знаю, собираетесь обновлять свой репертуар.

– Я, кажется, наконец осмелился и хочу записать диск с песнями Булата Окуджавы. Понимаете, я всегда, прежде чем что-то делать, должен быть уверен в себе. К Окуджаве я шел очень долго. Давно понимал, что его песни очень близки мне. Недавно записал его «Виноградную косточку» и «Молитву Франсуа Виньона». Только после этого понял, что имею право петь его песни.

– Вы были с ним знакомы?

– Нет, но один раз мы были вместе на каком-то приеме. Вдруг он полез в карман, достал оттуда маленький золотой ключик и протянул его мне: «Вахтанг, это вам. Это ключи от моего сердца».

У меня еще была мечта познакомиться с Утесовым. Я же вырос на песнях Бернеса, Шульженко, Утесова. С Бернесом и Шульженко я был знаком, а вот с Утесовым никак не было повода. Думал, что мне так и не удастся пообщаться со своим кумиром. И вот на каких-то актерских посиделках в ЦДРИ я стоял с группой московских артистов, и в холл вошел Утесов. Вдруг он поворачивается и идет в нашу сторону. «Наверное, к кому-нибудь из тех, с кем я стою», – подумал я. А он подходит ко мне, берет за руку и говорит мне: «Вахтанг, ты больше не Кикабидзе. Ты Вахтанг Бернес». Только после этого я стал понимать, что что-то делаю правильно. Это была самая высокая похвала в моей жизни, и я горжусь этим.

– Вахтанг Константинович, почему бы вам не описать эти встречи подробно в мемуарах?

– Я уже пишу что-то похожее, давал почитать своим друзьям – им понравилось. Наверное, назову эту книгу воспоминаний «Я и они».

У меня и раньше получалось писать сценарии, по ним снимали фильмы и даже главные призы получали. Единственное, чему я так и не научился, – рисовать. У меня много друзей среди художников, и когда есть время, я прихожу в мастерские, смотрю на их картины и завидую: «Какие вы счастливые – умеете рисовать!» А они, оказываясь, завидуют мне: «Лучше бы мы пели, а ты рисовал».

– Вы прожили такую большую жизнь на сцене. Скажите, вы можете дать определение: что же такое талант?

– Это удивительно необъяснимая вещь. В нем действительно есть что-то от Бога.